

Т.П. Петерс
T.P. Peters

**ВОСПОМИНАНИЯ И.В. ВАСИЛЬЧИКОВА
О СОБЫТИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА
И ВОЙНЕ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ГЕРМАНИИ
И ФРАНЦИИ В 1813–1814 ГГ.
(ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)**

**I.V. VASILCHIKOV'S MEMOIRS ABOUT THE EVENTS
OF THE PATRIOTIC WAR 1812 AND THE WAR
FOR THE LIBERATION OF GERMANY AND FRANCE
IN 1813–1814. (TRANSLATED FROM FRENCH)**

В статье впервые вводятся в научный оборот воспоминания генерала от кавалерии князя И.В. Васильчикова 1-го, написанные на русском и французском языках и хранящиеся в фонде РГАДА. В них содержатся интересные эпизоды сражений Отечественной войны 1812 года и Заграничной кампании русской армии 1813–1814 гг., а также личные впечатления автора от участия в военных действиях.

The article introduces for the first time into scientific circulation the memoirs of the cavalry General Prince I.V. Vasilchikov 1st, written in Russian and French and stored in the RGADA fund. They contain interesting episodes of the battles of the Patriotic War of 1812 and the Foreign campaign of the Russian army of 1813–1814, as well as the author's personal impressions of participation in hostilities.

Ключевые слова: рукопись воспоминаний, РГАДА, антинаполеоновские войны русской армии 1812–1814 гг.

Keywords: manuscript of memoirs, RGADA, anti-Napoleonic wars of the Russian army of 1812–1814.

В истории России генерал от кавалерии князь Васильчиков 1-й Илларион Васильевич известен как крупный военный и государственный деятель. Он происходил из дворян Псковской губернии.

К участию в военных действиях приступил в русско-прусско-французской войне 1806–1807 гг., продолжил в Отечественной войне 1812 года и Заграничной кампании русской армии 1813–1814 гг. В последующие годы находился на гражданской службе в числе высших сановников Российской империи в правление Николая I. В 1821 г. он был назначен членом Государственного совета, отличился при подавлении восстания 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади в Санкт-Петербурге, в дальнейшем пользовался расположением императора Николая I, в 1826 г. был членом Секретного комитета, созданного для обсуждения проектов государственных преобразований. В 1829–1830 гг. стал председателем Департамента законов Государственного совета, а с 1838 г. — председателем Государственного совета и Комитета министров¹. В 1839 г. император, зная Васильчикова на протяжении 22 лет, сказал о нем, что это «самая чистая, самая благородная, самая преданная душа»².

В микроистории Москвы и Московской области Васильчиков также оставил о себе память, в том числе тем фактом, что его сестра, Татьяна Васильевна, с 1800 г. была женой князя Д.В. Голицына, московского генерал-губернатора (1820–1844) и владельца усадьбы Большие Вяземы (с 1813).

В конце жизни Васильчиков составил воспоминания, записанные его сыном, генерал-майором князем Виктором Илларионовичем Васильчиковым, на русском и французском языках. Они остались незаконченными. Воспоминания начинаются с эпитафия на французском языке, который был девизом рода: «Душа Богу, жизнь царю, честь никому».

Воспоминания И.В. Васильчикова до настоящего времени не публиковались и хранятся в фонде РГАДА³.

Рукопись не датирована, однако при ее изучении и переводе удалось определить время ее написания, благодаря записи, которая в ней имеется. При описании вступления русской и союзных армий в Париж 31 марта 1814 г. И.В. Васильчиков сообщал, что «Я выступал перед войском рядом с Щербатовым и Голицыным. Князь Голицын Дмитрий Владимирович теперь, бывший потом Московским Генерал-Губернатором, князь Щербатов Алексей Григорьевич, занимающий ныне это место (выделено нами. — *Т. П.*)»⁴. Князь Д.В. Голицын исполнял должность московского генерал-губернатора в период

6 января 1820 — марта 1844 г. Князь А.Г. Щербатов вступил в эту должность в апреле 1844 г. после смерти Д.В. Голицына в Париже 27 марта 1844 г. Исходя из этой записи, на наш взгляд, следует, что на момент создания воспоминаний князь Д.В. Голицын был еще жив (иначе автор не преминул бы об этом сообщить), но взял отпуск и выехал во Францию на лечение. Последний год своей 73-летней жизни он провел вне России. Как следует из приказа Его Императорского Величества, данного в Петергофе 6 июня 1843 г. (ст. ст.), московский военный генерал-губернатор генерал от кавалерии князь Голицын 1-й, согласно его просьбе, получил увольнение в отпуск за границу, на восемь месяцев. В свою очередь, член Государственного совета, генерал от инфантерии князь Щербатов был назначен исправляющим должность на время отпуска князя Голицына-1-го. Д.В. Голицын путешествовал по Европе, останавливаясь на лечение и отдых в Берлине (июль 1843 г.), в Карлсбаде и Франкфурте (сентябрь 1843 г.), и, наконец, в Париже (ноябрь — февраль 1844 г.), где скончался.

Из документа следует, что воспоминания создавались за непродолжительный период с 6 июня 1843 по февраль 1844 г. при жизни князя Голицына во время его отъезда в отпуск на лечение и вступления Алексея Григорьевича Щербатова в должность исполняющего дела, но до смерти Голицына в феврале 1844 г.

Они отличаются от мемуаров других участников военных действий против наполеоновской армии. Своеобразие в том, что в них отсутствует описание собственно военных действий, и все внимание автора посвящено впечатлениям от войн и сражений 1812–1813–1814 гг. На период создания воспоминаний И.В. Васильчиков уже был довольно пожилым человеком (ему исполнилось 66 лет), много повидавшим на своем веку. Битвы, в которых он участвовал, воспринимались им на склоне лет не только с точки зрения радости от побед или горечи от поражений, но скорее с ужасом, с осознанием бесчеловечности, которая свойственна войне.

В воспоминаниях можно выделить три военные темы: Отечественная война 1812 года, включая Бородинское сражение и сражение при Красном, война за независимость Германии, преимущественно, сражение при Кацбахе 1813 г., война за освобождение Франции, прежде всего битва при Краоне 1814 г., и вступление русской армии в Париж в марте 1814 г.

В сражении при Бородино Васильчиков два раза избежал смерти. В описании этих событий переплетаются семейные традиции проводов сыновей в действующую армию, принятые в русских семьях, смекалка и молниеносная реакция кавалериста, единство и взаимопонимание седока и его лошади, индивидуальные привычки Васильчикова-командира, например, привычка замыкать отход вверенной ему части, двигаясь позади.

Первое спасение от смерти произошло, как он диктовал сыну, благодаря сабле, которую подарила ему мать, благословляя на войну: «Когда открылась столь для России славная, а для врагов наших пагубная кампания 12-го года, отец мой, отправляясь в армию, получил от матери своей в подарок отличную Греческую саблю, на клинке которой был изображен золотой лик Пресвятой Богоматери. Бабушка моя, отправляя сыновей своих на поле брани для защиты отчины и благословляя их, просила отца моего не ходить в дело без данной ею сабли. Отец мой, конечно, обещал ей не носить другого оружия, но потом в заботах воинских как-то забыл про дорогой подарок и во весь 1-й период кампании не надевал впоследствии спасительный для него булат»⁵. Но в день Бородинского сражения, утром 26 августа, И.В. Васильчиков вспомнил об обещании, данном матери, повязал подаренную ею саблю, и уже после не раз говорил сыну: «Меня надоумил повязать ее Господь». Сын записал, что «в самом начале этого кровопролитного сражения во время жестокого артиллерийского дела, которым ознаменована сия битва, отец мой стоял со штабом своим между батальонами вверенной ему 12-й пехотной дивизии. Вдруг слышит он возглас сзади стоящих адъютантов своих: „Ваше Превосходительство, берегитесь, под Вами граната!“». Отец мой успел только повернуть лошадь свою налево. Гранату разорвало. Жесток был скачок лошади, пораженной осколками снаряда, но, однако, она устояла на ногах. Отец мой остался невредим: кроме маленького пальца на правой руке, который был переломлен и навсегда лишился способности сгибаться. Лошади же распорол только поверхностно кожу вдоль всего живота; ее вылечили, и впоследствии отец мой на ней ездил, но только вне сражения, потому что при первом, даже отдаленном выстреле из орудия, с ней делались колерные припадки»⁶.

Второй раз он избежал смерти тоже 26 августа в день Бородинского сражения. Он командовал 12-й пехотной дивизией 7-го пехот-

ного корпуса Н.Н. Раевского. Во время сражения его дивизия была усилена кавалеристами Ахтырского гусарского полка. В воспоминаниях сообщается: «В самом пылу сражения, когда наша боевая линия стала сильно слабеть под усугубленным натиском сильнейшего неприятеля, отец мой после совершенного разрушения вверенной ему 12-й пехотной дивизии корпуса Раевского, потерпевши совершенную неудачу в атаке, данной ему потом в команду кавалерии, возвращался шагом на раненой в переднюю ногу лошади. Вдруг услыхал он за собою не в дальнем расстоянии конский топот и ясные крики: „Генерал, сдавайтесь!“». Первое движение батюшки, увидавшего скачущих на него четырех французских драгунов, было схватиться за саблю; но к крайнему удивлению его эфеса на ней не было, неизвестно, когда и чем его снесло в уровень с ножнами до самого того места, где изображен был лик Богородицы. Нельзя было помышлять об обороне, надобно было спастись кое-как на хромой лошади. Батюшка вооружился нагайкой, которую он всегда носил висящую на ремне через плечо, и жестко стал погонять ею своего коня. Лихая кобыла почувствовала необыкновенное средство побуждения, несмотря на окровавленную ногу свою, как вихрь понесла по полю сражения и спасла своего хозяина от преследования наполеоновских драгун. „Если бы сабля моя была цела, я был бы порублен и взят в плен“, — говаривал батюшка»⁷.

«Батюшка говаривал нам про Бородинское сражение, — записал его сын, — как про самое ужасное побоище, какого нет другого в летописях <...> гром артиллерии до того был жесток, что не слышать было ни одного отдельного выстрела, даже из самых близких орудий, а что все слилось в один продолжительный гул. Ряды наши валились один за другим и, несмотря на все геройские усилия наших войск, расстройство армии нашей было так велико, что батюшка, будучи командиром дивизии, до другого дня (27 августа. — Т. П.) не знал, где собрать вверенные ему войска — все разбрелось»⁸.

И.В. Васильчиков вспоминал о том, что «После того же Бородинского сражения число раненых было столь велико, что сам Виллие едва успевал делать операции приносимых к нему людей»⁹. Он помнил свое посещение лазарета, где хирург Я.В. Виллие проводил операции. «Я застал его, — говаривал мне батюшка, — в огромном сарае, набитом ранеными, в одной рубашке с засученными рукавами

и ножом в руках. Около него было несколько молодых врачей для подмоги. Кровь текла ручьем по сараю, отъятые члены были свалены в огромную кровавую груду; доктора стояли, без всякого преувеличения, по щиколотку в красной луже. Вилье почти в истерике резал руки и ноги и только изредка кричал громовым голосом: „Дайте мне воды, ради Бога воды!“¹⁰. В воспоминаниях Васильчиков описывает разное отношение врачей к раненым: с одной стороны, не скрывал халатности и забывчивости врачей, стремясь к объективности, с другой стороны, отдавал дань их самоотверженности в столь сложных боевых условиях, их гуманности, вниманию и заботе в отношении раненых. Он восклицал: «Каковы могут быть в таком случае операции и сколько несчастных, которых можно было безо всякого сомнения вылечить, лишились какого-либо члена по невозможности усмотреть за ними тщательно!»¹¹. Он привел один пример из лазаретных будней, который слышал от Виллие: «Не помню, после какого дела, чуть ли не после Бородина же, Вилье, как старший в армии медик, обходил раненых, осматривал их увечья и давал советы медикам, которым поручено было лечить их и оперировать. В массе раненых был офицер, которого обе ноги одинаково сильно повредило ядром. Вилье, осмотревши его, сказал пользовавшему его медику: „Левую ногу отнимите, а правую попробуйте лечить“. Тем и кончилось, Вилье перешел к другому раненому и продолжал свой осмотр. На другой день при вторичном осмотре он увидел, что вышесказанный медик ошибся и офицеру этому отнял правую ногу, которую должно оставить, и лечить левую, которую он велел ему отнять. Из чувств сострадания Вилье стал сам присматривать за лечением этого больного и, к счастью, старания его обвенчались полным успехом, ему сохранили левую ногу» (орфография рукописи. — *Т. П.*)¹².

Следует отметить еще одно наблюдение Васильчикова. Он считал, что при Бородино русская армия была обязана спасением Московскому ополчению. Сын записал на французском языке его разговор с маршалом Н.Ж. Мезоном, который состоялся спустя некоторое время после окончания войны, когда Мезон был послом Франции в Петербурге (с 1833). Для более детального изложения этого наблюдения Васильчикова, приведу фрагмент воспоминаний, посвященный этому эпизоду, в моем переводе на русский язык: «В то самое время, когда

последние силы наши введены были уже в дело, и представляли только слабую преграду наступающему неприятелю, вся старая и молодая гвардия Наполеона, свежая и невредимая, стала формироваться к бою, но вскоре была отведена опять в резерв. „Мы обязаны спасением Московскому ополчению, — говаривал отец мой; без него эта страшная масса отборного Наполеонова войска стерла бы с лица земли слабые остатки нашей армии!“ Маршал Мезон в бытность свою в Петербурге послом, объяснил мне это дело в подробности. Разговорившись с ним однажды на каком-то балу про разные происшествия того времени, я спросил у него: „Скажите, Маршал, почему император при Бородино остановился на том, что выстроил свою гвардию позади своей первой линии и не ввел ее в сражение?“ — „Мы с болезненным содроганием сердца заметили, как на высотах пришла в движение туча военной силы, и если бы она двинулась, нашей армии пришел бы конец, потому что у нас не было резервов, нечего было выставить против ваших свежих войск. Чистая случайность решила исход дела. В тот день я войсками не командовал и состоял в свите императора; вдруг Наполеон, сидевший на стволе дерева на высоте, расположенной позади сил нашего центра, велел меня позвать и приказал развернуть гвардию, пока пребывавшую в резерве, а потому непотрепанную в боях. Я бегом бросился передать приказ императора, вот тогда в вашем расположении и заметили, что гвардия формируется к бою. Вскоре после того Наполеон опять позвал меня к себе и показал в свой бинокль мощную колонну, едва различимую, позади ваших рубежей, и сказал, что было бесполезно вводить в бой гвардию, глядя на их резервы: «ответьте гренадеров». Только позже мы поняли, какие это были колонны: ваше Московское ополчение, вооруженное вилами и кольями; лишь дальность не позволила Императору рассмотреть, что представлял собою этот ваш резерв, лишь это вас и спасло, как вы сами, генерал, признались“»¹³.

Из записей о подчиненных Васильчикову офицерах и солдатах, с которыми он был в очень близких и доверительных отношениях, можно узнать о храбрости и стойкости русских воинов, например, мужестве его любимого карабинера (его имя не названо). В эпизоде, посвященном сражению при Красном, рассказывается, что товарищи этого карабинера видели, как он «...среди сильной сшибки с французами был окружен шестью уланами и пал под их ударами

<...> [но] ночью офицеры прибежали с общей для полка радостной вестью, что карабинер NN возвратился к эскадрону своему, но проколотый в восьми местах пиками». Васильчиков поспешил на перевязочный пункт, увидел раненого и узнал от старого гусара, что тот приполз в лагерь на четвереньках. Он сказал: «Меня окружили человек восемь улан: дураки кололи, кололи и не докололи; я двоих из них пырнул, так они не встанут»¹⁴.

В сражении при Краоне 1814 г. Васильчиков оплакивал несколько потерь из своего близкого круга. Прежде всего, гибель у него на глазах молодого графа А.П. Строганова, смерть от неприятельских ядер георгиевских кавалеров, командиров бригад: генерал-лейтенанта Сергея Николаевича Ланского и генерал-майора Сергея Николаевича Ушакова 2-го, а также контузию своего брата Д.В. Васильчикова. В отрывке воспоминаний, посвященному Ланскому и Ушакову, сообщаются подробности их военной службы и гибели: «Они в один день вступили в службу, в один день произведены в генерал-майоры и получили каждый в дивизии Дмитрия Васильевича в один день и за то же самое дело награждение Георгиевским крестом, на том же поле сражения в одно почти мгновение пали, пораженные неприятельскими ядрами»¹⁵.

О сражении при Кацбахе Васильчиков оставил очень сдержанную характеристику, назвав его «знатная атака кавалерии моей на берегах Кацбахи»¹⁶. Подробности об умениях тактика, о своевременной распорядительности и мужестве И.В. Васильчикова, которые скрываются за его скупыми словами, представлены в работах современных исследователей. Например, 26 августа 1813 г. французы столкнулись на плато Юэз, на правом берегу реки Кацбах, с большей частью русско-прусской Силезской армии Блюхера, это были корпуса Йорка и Сакена. Васильчиков командовал всей кавалерией Силезской армии. Йорк и Сакен сосредоточились на позиции возле деревни Эйхгольц. Сакен развернул свою пехоту южнее деревни, гусарский и драгунский полки Васильчикова были развернуты позади и чуть справа от пехотного корпуса Сакена, за резервом. Французы (корпус Суама) двигались вдоль северного берега реки Кацбах, чтобы соединиться с основными силами Макдональда, поддерживая их атаку во время переправы через реку. Продвижение большой массы войск с обозами и артиллерией по узкой до-

роге на северном берегу вызвало затор. Затем внезапно французская кавалерия развернулась и отступила к долине реки. «Причиной их бегства было то, что всадники Себастиани были атакованы русской кавалерией под командованием Васильчикова <...> Плато представляло собой идеальную арену действий. Более того, левый фланг Себастиани <...> был открыт для атаки. Какие бы соображения за этим не стояли, открыть фланг для генерала такого масштаба как Васильчиков значило напроситься на неприятности. Васильчиков отправил разведчиков, чтобы удостовериться, что деревни к северу от линии Себастиани не заняты неприятельской пехотой, и его кавалеристы не попадут в засаду во время наступления. Обнаружив, что деревни пусты, Васильчиков пошел в наступление и атаковал французов с трех сторон одновременно <...> Для французов сражение на реке Кацбах было поражением, но не катастрофой. Что действительно превратило поражение в катастрофу, так это преследование побежденных, которое последовало за сражением. Это было, несомненно, лучшим преследованием поверженного врага, организованным в 1813 г. <...> Героями дня стала пехота Йорка и Сакена и кавалерия Васильчикова»¹⁷.

Илларион Васильевич, согласно воспоминаниям, всегда питал сильную неприязнь к национальному характеру французов, хотя признавал их храбрость на поле сражений. В воспоминаниях приводится один эпизод вступления русских войск в Париж в 1814 г.: «Народ кричал ура, толпился около войск и принимал императора Александра как искупителя своего. Между тем несколько человек выбегали один за другим из толпы и отпускали нам разные сомнительные приветствия. Один из них (вижу его перед собой), чопорно разодетый во французском платье, в чулках и башмаках, напудренный как маркиз, и с треугольной шапкой под мышкой, подлетел к Голицыну и, танцуя перед ним разные балетные па, торжественно воскликнул: „прекрасное войско — великолепный генерал“, и потом исчез в толпе». Васильчиков считал, что у французов нет «той правоты чувств, той привязанности к отчизне, которая создает величие каждого народа...»¹⁸ По его мнению, восторг парижан, с которым они приветствовали бывших врагов, а теперь победителей, был неискренним. Ему претило также, что перед русскими они ругали Наполеона, которого совсем недавно превозносили. «Этот неестествен-

ный восторг, с которым французы принимали врагов победителей, был тем отвратительней, что в памяти каждого был еще свеж прием, сделанный Наполеону нашими соотечественниками при вступлении его в Москву»¹⁹.

Представляется, что воспоминания И.В. Васильчикова, благодаря многочисленным подробностям, относительно поведения людей и современной ему действительности, сугубо личному взгляду на военные события и состояние русской армии, могут дополнить имеющиеся сведения об Отечественной войне 1812 года и Заграничной кампании русской армии 1813–1814 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подмазо А.А., Епанчин Ю.Л. Васильчиков И.В. // Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С. 109.

² Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Николай I. Муж. Отец. Император / сост., предисл. Н.И. Азаровой; коммент. Н.И. Азаровой, Л.В. Гладковой; пер. с фр. Л.В. Гладковой. М., 2000. С. 430.

³ РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 305.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 7 об.

⁶ Там же. Л. 10 об.

⁷ Там же. Л. 8–8 об.

⁸ Там же. Л. 8 об.–9.

⁹ Там же. Л. 10 об.

¹⁰ Там же. Л. 11.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 11 об.

¹³ Там же. Л. 9 об.–10. (Перевод на русский язык Т.П. Петерс.)

¹⁴ Там же. Л. 12.

¹⁵ Там же. Л. 14.

¹⁶ Там же. Л. 16.

¹⁷ Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814 / Д. Ливен; [пер. с англ. А.Ю. Петрова]. М., 2012. С. 484–490.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 305. Л. 3 об.

¹⁹ Там же.